

Юлиана Кацемба,
ЖГУ им. Ивана Франко,
Житомир

АВТОР «ВОСПОМИНАНИЙ...» CONTRA АВТОРУ «ЖИТЕЙСКИХ МЕЛОЧЕЙ»

Г. Жевуский (1791–1866) – одна из наиболее неординарных и непростых для понимания фигур XIX века. Он – «мастер создания парадоксов и интеллектуальной провокации» [7, с. 51], «чудесный писатель», но «ослепленный политик» [8, с. 66]. Его литературная карьера молниеносно началась «Воспоминаниями ясновельможного Северина Соплицы, парнавского подчашего» (1839–1841), но с выходом в свет «Житейских мелочей Яроша Бейлы» (1841–1843) его титул «Гомера кунтушевого мира» [15, с. 154] поменялся на отступника и коллаборациониста [1]. Его современники, будучи в восторге от сарматского мира, представленного в «Воспоминаниях...», не хотели верить, что он является также автором «Житейских мелочей», что Соплица является также и Бейлой. Его обвиняли в контраверсионности взглядов, предательстве и двуличии.

«Воспоминания...» в окончательной редакции представляют собой собрание 25 гавенд, объединенных одной темой – характеристика шляхетской Речи Посполитой XVII–XVIII вв. В качестве нарратора здесь выступает старый шляхтич Северин Соплица, участник и очевидец событий, о которых идет речь в произведении.

История написания гавенд отсылает в Рим в 1830 г., где А. Мицкевич, заслушавшийся остроумными сказаниями Г. Жевуского, просит непременно все записать [9, с. 423–424]. Согласно этой версии авторство «Воспоминаний...» не вызывало бы никаких сомнений, если бы не две заметки волынского писателя. В 1840 г. на страницах «Петербургского еженедельника» появляется письмо к издателю [4], подписанное графом Жевуским, в котором он стремится донести такие три факта: 1) к опубликованным в «Друге народа» [12] гавендам никакого отношения он не имеет («Пан Рейтан», «Люблинский трибунал», «Пан Ревенский»; 2) не отрицает авторство изданных в Париже двух гавенд, подчеркивая лишь, что издание состоялось без его ведома; 3) указывает на время и место возникновения идеи «пошиться под старосветский стиль» [4], которая потом переросла в идею написания гавенд, что и подтверждают исследователи «Воспоминаний...», среди которых Ч. Гернас [5], С. Левинувна [9], О. Федута [2] и др. Дискуссионным является вопрос о мотивах такого дистанцирования. Справедливым кажется рассуждение И. Венгжин,

которая наиболее убедительным объяснением считает неуверенность автора в том, какие последствия на его судьбу будет иметь «литературный каприз, которым были „Воспоминания...”» [21: 160] как на гражданина Российской империи, поэтому отрекшись от авторства этого произведения, отрекся и от ответственности за разожженные патриотические настроения читателей «Воспоминаний...». В. Ершов анонимность публикаций объясняет как элемент литературного этикета эпохи романтизма, приводя пример «Уэверли» В. Скотта, «Повести Белкина» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и др. [1, с. 234].

Эту тактическую игру – то ли с читателем, то ли с цензурой, – романист продолжил, написав дополнение [14] к виленскому изданию гавенд (1844–1845). Хотя оно и не было напечатано, но включает в себе много спорных моментов. В дополнении Г. Жевуский представил себя как издателя случайно найденной в 1835 г. в Несвиже рукописи: «я издал ее так, как есть, ни одного улучшения не делая, и не тая перед собой изъянов этих воспоминаний, [не] считая их за творение» [14, с. 252]. Играя роль издателя, граф сам дал оценку произведению, указывая на недостатки: отсутствие хронологического порядка, противоречия в способе мышления Соплицы, его суеверность и кривотолки, которые касаются, прежде всего, настороженного отношения к прогрессу. Такая критика из уст последователя Ж. де Местра кажется абсурдной, поскольку за формулой писателя, озвученной в «Цивилизации и религии», которая в то время уже была в рукописи, третьим и последним этапом упадка цивилизации является удар рационализма, признания совершенства человеческого ума и его необъятных возможностей [11, с. 13]. Таким образом, писатель или противоречит сам себе, или, отстраняясь от авторства «Воспоминаний...», прикрываясь маской издателя, оправдывает некоторые моменты, которые могли бы встретиться с критикой читателя. По существу то же самое он позже сделает в предисловии к «Житейским мелочам».

Такое «подшивание» своих произведений под имя придуманного нарратора М. Янион в предисловии к «Воспоминаниям...» называет характерной для литературы XIX в. «канонической хваткой, которая должна была успокоить необразованных еще читателей романа» [6], а Я. Тазбир подтверждает, что такие литературные мистификации в Польше I пол. XIX века были очень модными [20, с. 580].

Следующей мистификацией Г. Жевуского были изданные в 1841–1843 гг. в Вильно два тома «Житейских мелочей», подписанных Ярошем Бейлой. Читатели, с нетерпением ожидавшие следующее творение прекрасного знатока шляхетской Речи Посполитой,

рассчитывали на продолжение воспевания сарматских традиций, на еще более яркую галерею польских шляхтичей, причем обязательно в форме полюбившейся им гавенды, в итоге получили сатирическую мешанину тем и стилей, форм и литературных жанров: философские и религиозные размышления, морализаторские спекуляции, общественные сценки, а также драматизированный отрывок, который изображает современную автору салонную литературную моду [21, с. 22].

Сохраняя память о Жевуском–Соплице, современники отказывались верить в его причастность к «Житейским мелочам». «Жевуский без сомнений есть автором Соплицы, но ни в коем случае не писателем „Житейских мелочей”» [16, с. 125] – писал в мемуарах Т. Щеневский.

Неужели настолько отличались взгляды обоих нарраторов? Бейла говорит о шляхетности польского народа, о его расцвете во времена правления Сасов и гибель в нынешнем. В «Воспоминаниях...» находим ностальгию по шляхетской Речи Посполитой, воспевание прошлого и недовольство нынешним. Здесь взгляды нарраторов сходятся между собой и с мышлением самого автора, про которого не раз говорили, что он живет в прошлых временах: «он почти жил в том мире, который описывал» [1818, с. 11], «жил в мире настолько отменным от того, который его окружал, вне него ничего не понимал и, признаем, не хотел понимать современного общества» [3, с. 13]. «Житейские мелочи» А. Бар назвал «сокрушительным судом о современниках» [1, с. 6], и именно такую реакцию предвидел сам автор в так называемом предисловии к I тому «Житейских мелочей».

Первый том начинается «Сценой в книжном магазине Глюксберга, которая может сойти предисловием», построенной в форме дискуссии между читателем, окрещенным Г. Жевуским Diavolo и молодым автором – Angelo. Diavolo задуман как собирательный образ современных читателей – таких, какими романист себе их представлял, в чьи уста Г. Жевуский вложил все возможные упреки в его сторону. Angelo ж воплощает самого автора, который отстаивает ценность произведения. Diavolo называет «Житейские мелочи» «настоящей мешаниной: что-то отсюда, что-то оттуда; пасквилом, в котором много злости, мало остроумия» [1313, с. 395]. Художник слова недовольство читателя вяжет с отсутствием юмора и в том, что «все характеры – это портреты, написанные с реальных лиц» [1313, с. 396] – кто-то может себя узнать на страницах книги.

Авторы книги «От Мохнацкого до Пилсудского» замечают, что еще в гавендах при внимательном прочтении можно наблюдать «преудивительную мешанину презрения к нововведенным нормам с

обожанием устоявшихся общественных форм» [8, с. 66]. Эту мешанину они называют «политическим саботажем», основной доминантой идеологических воззрений писателя. Размышляют они также над тем, какой путь должен был пройти художник слова от «Воспоминаний...» к «Житейским мелочам», от почитателя благородных вольностей к апологету царского деспотизма, чтобы испытать славы наиболее противоречивого писателя XIX века. Приходят к выводу, что эта дорога начинается еще в самих «Воспоминаниях...» – гавендах, главной фигурой которых является князь Кароль Радзивилл, знаменитая забулдыга, пропойца и неук, со своей альбенською бандой. Именно эту фигуру Г. Жевуський почему-то решил воспеть, восхвалить, подать как достойный пример для подражания. Эту фигуру, которая так близка к образам балагулов, так резко высмеянных художником слова в «Житейских мелочах» [13, с. 402–407].

«Второе дно» представленного шляхетного, идеального мира, едва проглядываемое через размеренную, упорядоченную жизнь дворов и замков в гавендах заметила и С. Левинувна. В этом втором дне спрятанная авторская ироническая ремарка, здесь начинается дорога, ведущая к «Житейским мелочам». Подтверждая свои размышления многочисленными примерами с текста, С. Левинувна опровергает сквозную в гавендах идею равенства: «в „Воспоминаниях...“ постоянно кто-то кому-то кланяется в ноги, падает на колени, целует обувь. Это поведение очень странное для общества равных» [9, с. 421], потому что «правит им сословный эгоизм, который для своей пользы придумал права и обычаи, моральные нормы и правила» [9, с. 420].

С. Тарновский подметил, что среди всех суждений о Соплице самым правильным и самым польским есть суждение пани Гоффмановой, которая в то время, когда все «теряли головы от восхищения, прочитав, тихо написала в своем дневнике приблизительно такие слова: „О мой Господь, следовательно так было в давней Польше? Действительно ли так быть могло? А если так, то не стоит удивляться, что исчезло то, что таким было”» [18, с. 19]. Сам Г. Жевуський в том же приложении к «Воспоминаниям...» разместил прогноз издателя об интересе читателей к книге: «Пришла ко мне мысль, что среди поколения, которое отклонилось от давних правил вкуса, которому надоели дела Фелинского, Козьмяна и Осинского, которое кормится Мицкевичем и Богданом Залеским, а вместо мудрых правил, изданных Голянским и князем польских ораторов Станиславом Потоцким, придерживается только варварских образцов» [14, с. 253]. В этих строках – характеристика современного

поколения, его необразованность и плохой литературный вкус, то есть то, что так не понравилось читателям в «Житейских мелочах».

Почему же одно произведение было принято со знаком «плюс», а второе – со знаком «минус». З. Швейковський в монографії пише, що Г. Жевуский достиг эффекта неоднородности, противоречивости, расхождения мыслей, соединяя несоединимое: дидактику, скептицизм и юмор [17]. В «Воспоминаниях...» даже негативные черты героев, их поступки, не заслуживающие уважения, приправлены художником слова так мастерски, так вкусно поданы, так завуалированы тонкой авторской иронией, что при прочтении видны лишь добрые намерения этих наилучших представителей шляхетского мира. Фамильярность, святотатство, порочность, трусость, пройдя сквозь уста Северина Соплицы превращаются в доброжелательность, набожность, честь, отвагу, патриотизм. Сочетание дидактики и юмора дало знак «плюс» в прочтении «Воспоминаний...»: Соплицу не возмущает необразованность князя Кароля Радзивилла, разгильдяйство его альбенской банды. В «Житейских мелочах» дидактика перерастает в скептическое пророчество о распадении народного тела, а юмор – в едкий сарказм: достигает накала критика необразованности современной молодежи (балагулов).

Генрих Жевуский однозначно является автором как «Воспоминаний...», так и «Житейских мелочей». В предисловиях к каждому из них художник слова предвидел и объяснял возможную реакцию читателей: «Воспоминания...» не будут пренебрегаемы читателем, поскольку полны суеверий и варварских образцов, а «Житейские мудрости» читатель воспримет как злое произведение, поскольку в нем может узнать себя или свое поколение.

Разные, на первый взгляд, по форме, теме, стилю произведения имеют в себе общую доминантную идею Г. Жевуского – «политический саботаж». В обоих произведениях автор ведет игру с читателем и цензурой, прикрываясь то маской Соплицы, то издателя, то Бейлы. Успех «Воспоминаний...» и невосприятие «Житейских мелочей» были связаны с тем, что современники с огромным удовольствием зачитывались историями о пассивности, бездумности, безделии шляхты, завуалированными Г. Жевуским под апологию, но не готовы были к саркастическому, преувеличенному разгрому их собственных недостатков.

Литература

1. Єршов В. Польська література Волині доби романтизму: генологія мемуаристичності / В. Єршов. – Житомир: Полісся, 2008. – 624 с.
2. Федута О. Нязручны класік: [прадмова] / О. Федута // Жавускі Г. Успаміны Сапліцы [пер. з пол. М. Кенькі]. – Мінськ, 2005. – 368 с. – С. 5–14.

3. Bar A. O apostazji politycznej Henryka Rzewuskiego (na podstawie nieznanego źródła) / A. O. Bar // Przegląd współczesny. – 1928. – № 78. – S. 5–29.
4. Henryk hrabia Rzewuski. Oświadczenie (list do wydawcy) // Tygodnik Petersburski. – 1840. – № 75. – S. 416.
5. Hernas Cz. Posłowie // H. Rzewuski. Pamiątki Soplicy. – Wrocław : Wydawnictwo Dolnośląskie, 1997. – 390 s. – S. 381–388.
6. Janion M. Przedmowa // Rzewuski H. Pamiątki Soplicy. – Warszawa 1961. – s. 7.
7. Jaworski W. Antyfilozofizm Henryka Rzewuskiego (Zdrowy rozsądek jako zbiorowa mądrość narodu) / W. Jaworski // Koniec wieku. – 1994. – № 6. – S. 51–68.
8. Król M., Karpiński W. Od Mochnackiego do Piłsudskiego: sylwetki polityczne XIX wieku / M. Król, W. Karpiński. – Warszawa: Świat Książki, 1997. – 247 s.
9. Lewinówna Z. Posłowie // Rzewuski H. Pamiątki J. Pana Seweryna Soplicy, cześnika parnawskiego. – Warszawa: Oficyna Wydawnicza «Vocatio», 1997. – 436 s. – S. 413–436.
10. Przyjaciół ludu, czyli tygodnik potrzebnych i pożytecznych wiadomości – Leszno. – 1839–1840. – № 17, 19–21; 44–45.
11. Rzewuski H. Cywilizacja i Religia / H. Rzewuski / wstęp i oprac. tekstu A. Wielomski. – Białą Podlaska : Arte, 2009. – 71 s.
12. Rzewuski H. Pamiątki Soplicy / H. Rzewuski / oprac. K. Duda Kaptur. – Kraków : Wydawnictwo GREG, 2008. – 238 s.
13. Rzewuski H. Wędrowki umysłowe. Mieszaniny obyczajowe / H. Rzewuski. – Kraków : Ośrodek Myśli Politycznej, 2010. – 772 s.
14. Rzewuski H. Zaniechana przedmowa Rzewuskiego do Pamiątek // H. Rzewuski. Pamiątki Soplicy. – Londyn : Veritas. – S. 251–253.
15. Ślisz A. Henryk Rzewuski: życie i poglądy / A. Ślisz. – Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1986. – 325 s.
16. Szczeniowski T. Bigos hultajski. Bzdurstwa obyczajowe przez Izasława Błępońskiego / T. Szczeniowski. – T. 2. – Wilno: T. Glücksberg, 1845. – 161 s.
17. Szweykowski Z. Powieści historyczne Henryka Rzewuskiego / Z. Szweykowski. – Warszawa: skł. gł. Książnicy Polskiej Tow. Nauczycieli Szkół Wyższych we Lwowie, 1922. – 332 s.
18. Tarnowski S. Henryk Rzewuski: z odczytów publicznych odbytych we Lwowie w roku 1887 / S. Tarnowski. – Lwów: Seyfarth i Czajkowski, 1887. – 97 s.
19. Tazbir J. Cudzym piórem...: falsyfikaty historyczno-literackie / J. Tazbir. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2002. – 143 s.
20. Tazbir J. Z dziejów fałszerstw historycznych w Polsce w pierwszej połowie XIX wieku / J. Tazbir // Przegląd Historyczny. – 1966. – № 57/4. – S. 580–598.
21. Węgrzyn I. W świecie powieści Henryka Rzewuskiego / I. Węgrzyn. – Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012. – 386 s.